

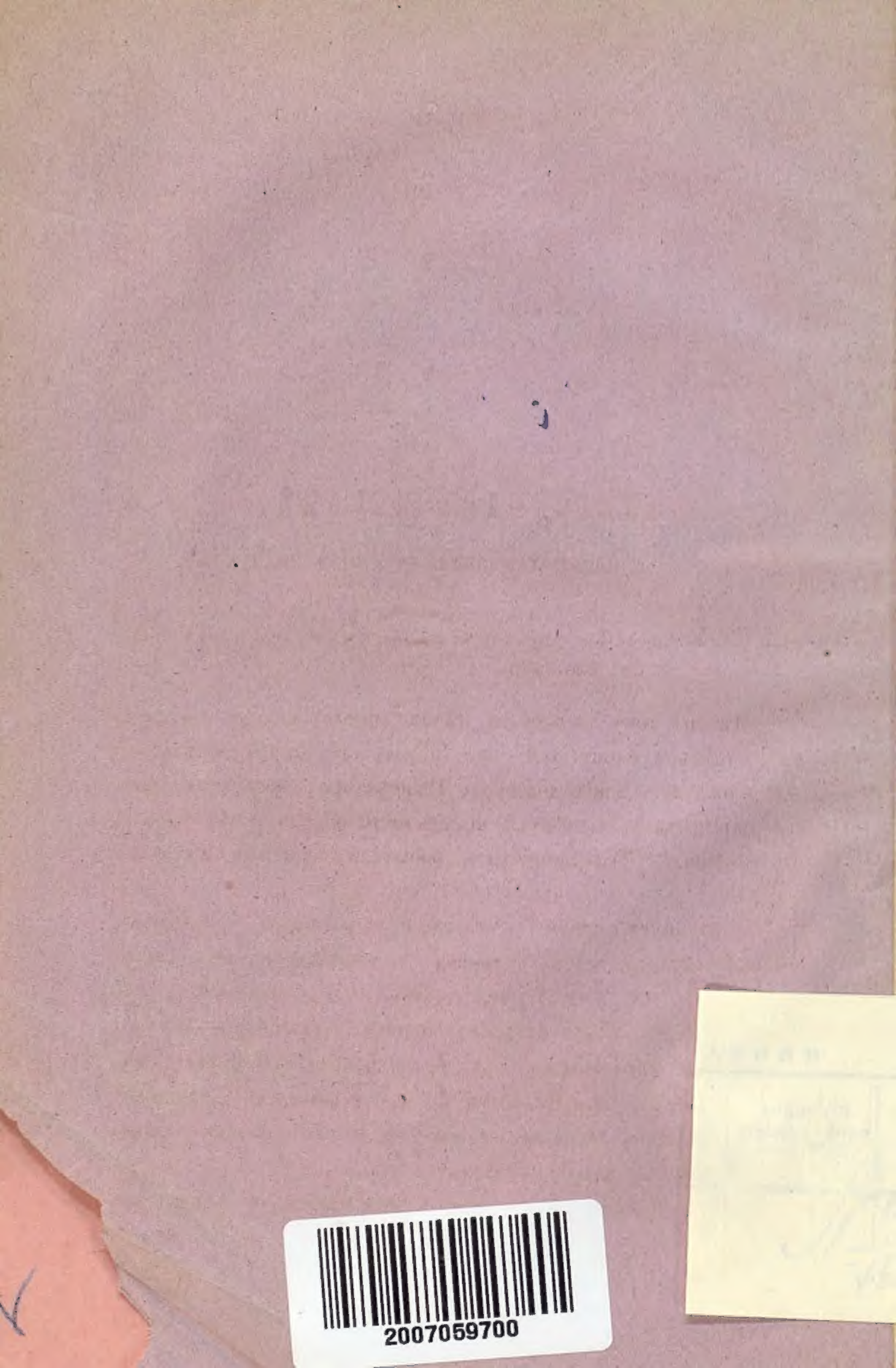
R 2/113

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ.

ОЧЕРКЪ ОТНОШЕНІЙ КЪ НЕМУ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ АКТѢ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА, 9 ЯНВАРЯ 1878 Г.

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (І. ЗАВАДСКАГО).
1878.

2007059700

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ.

ОЧЕРКЪ ОТНОШЕНІЙ КЪ НЕМУ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Университета Св. Владиміра, 9 января 1878 года.

Мѣсяцъ тому назадъ въ рѣчахъ представителей науки и въ статьяхъ публицистовъ, по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія Благословеннаго Императора, воскресла слава его царствованія и возникъ передъ нами образъ Александра I, благодушнаго, возвышеннаго и двигателя великихъ міровыхъ событій.

Вспомянувъ славу царствованія Александра Павловича, мы вновь вглядѣлись въ человѣка, склонившагося подъ бременемъ того, что было нашей славой, а его подвигомъ, нашимъ покоемъ, а его бдѣніемъ, нашей безопасностью, а его попеченіемъ—по выраженію витіи митрополита Платона, смѣло и талантливо выразившаго въ своей рѣчи на коронацію господствовавшія тогда въ литературѣ мысли о власти верховной, обязанной народу и человѣчеству.

Въ наше время Александръ I уже предсталъ передъ су-

домъ потомства какъ царь и какъ человѣкъ—и, если исторія еще не сказала своего рѣшительнаго слова о *царѣ*, то *человѣкъ* во всякомъ случаѣ намъ ближе и понятнѣе, чѣмъ будущимъ поколѣніямъ. Мы не изъ книгъ, а изъ живыхъ преданій составили себѣ представленіе объ Александрѣ Благословенномъ, и такое наше представленіе—болѣе вѣрный отблескъ дѣйствительности, чѣмъ измышленія и догадки отдаленнаго потомства.

Въ предлагаемомъ благосклонному вниманію вашему, мм. гг. и мм. г-ни, чтеніи я остановлюсь только на писателяхъ нашихъ, сперва современныхъ Александру, а потомъ и позднѣйшихъ, въ произведеніяхъ которыхъ является этотъ Императоръ. Отношеніе того или другого представителя извѣстнаго взгляда и поколѣнія къ Александру будетъ моею темою. Начну съ поэта, унаслѣдованнаго Александромъ отъ Екатерины.

Трудно было рутинному поэту велерѣчивою одою произвести впечатлѣніе на умную, живо мыслившую Екатерину, которая не любила стиховъ и предпочитала моральную философію и ѣдкую сатиру туманности классическихъ, не естественныхъ по формѣ и безсодержательныхъ лирическихъ произведеній. Только на двадцатый годъ своего царствованія „Минерва“ дождалась поэта, съумѣвшаго шутливымъ тономъ, легкимъ стихомъ, насмѣшкою надъ слабостями ея приближенныхъ, а главное оцѣнкою ея нрава, обычая и образа мыслей растрогать и охватить ея душу обаяніемъ небывалой на Руси поэзіи. Но „Ода къ Фелицѣ“ не была первымъ замѣтнымъ произведеніемъ Державина въ духѣ, еще новой въ то время, анакреонтической поэзіи, первымъ представителемъ которой былъ нѣмецкій поэтъ Глеймъ. Еще за три года до появленія „Оды

къ Фелицѣ" неопытный въ стихотворствѣ и мало извѣстный Державинъ задумалъ прославить рожденіе первороднаго внука своей Государыни. Тогда великому князю Александру Павловичу было уже два года. Всѣмъ было извѣстно, что Императрица лелѣяла внука и на колыбель его возлагала надежды на счастливую будущность государства. Классическое имя Александра, покорившаго весь историческій міръ древности, связавшаго Востокъ съ Западомъ — Александра, человѣчнаго, добродѣтельнаго завоевателя, бывшаго героемъ многочисленныхъ поэмъ въ средніе вѣка и идеаломъ монарха въ классической французской литературѣ, соотвѣтствовало величавымъ замысламъ Екатерины. Державинъ остановился на самомъ днѣ рожденія Александра, днѣ 12 декабря, когда, по русской поговоркѣ, солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ. Смѣлый образъ русскаго Борея съ сѣдою бородой —

Сыпалъ инеи пушисты
И мятели воздымалъ —

— пережилъ цѣлое столѣтіе. Царство зимы въ разгарѣ; но дыханіе порфиророднаго дитяти остановило ярость и ревъ Борея. Дары, принесенные геніями къ колыбели, сулятъ младенцу побѣды, славу и множество нравственныхъ качествъ. Державинъ гордился въ послѣдствіи тѣмъ, что его пророчество исполнилось, и на предвидѣніе поэта указывали писатели наши въ дни взятія Парижа. Но одно изъ вѣщихъ изреченій стало историческимъ, какъ выраженіе новыхъ требованій, предъявляемыхъ монарху духомъ времени:

Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!

Слѣдующія строки изъ написанной послѣ того „Оды къ Фелицѣ" напоминаютъ заботы Екатерины о воспитаніи Але-

ксандра и ею же писанныя моральныя сказки, а равно и требованія ея отъ воспитателей:

Фелицы мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу, младому Хлору,
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ.....

Фелица, открывая внуку путь къ добродѣтели, въ „Инструкціи Салтыкову" высказала свои взгляды на воспитаніе. Ихъ примѣнить къ дѣлу былъ вызванъ приснопамятный швейцарецъ, гуманный послѣдователь Локка и Руссо. Съ Лагарпомъ выступаютъ на поприще воспитанія царевича и русскіе учители: Муравьевъ, чистый, возвышенный и Протасовъ, стремившійся къ добродѣтели.—Державинъ въ своихъ стихотвореніяхъ уже болѣе не касался воспитанія Александра. Онъ только разъ говоритъ о немъ по поводу пресловутаго бала, даннаго Потемкинымъ Екатеринѣ, въ Таврическомъ дворцѣ; онъ говоритъ, какъ Александръ, въ бѣломъ атласномъ костюмѣ—съ голубымъ кушакомъ, танцовалъ характерный кадриль, подъ дирижерствомъ знаменитаго танцовщика Пика. Привѣтственныя оды на пріѣздъ невѣсты и на бракъ Александра повторяютъ указанія на будущую славу его царствованія и на ожидаемое отъ него успокоеніе государствъ, уже потрясенныхъ въ то время событіями французской революціи.

Въ царствованіе Павла, когда Державинъ отдался легкому анакреонтическому творчеству и порою высокопарнымъ стихомъ пѣлъ о побѣдахъ Суворова, только разъ въ его произведеніяхъ встрѣчается имя Александра. „Ода на введеніе Соломона въ судилище" написана въ псаломскомъ стилѣ по случаю назначенія Александра Павловича въ сенаторы,

Съ восшествіемъ на престолъ Александра оды обильно полились изъ подъ пера пѣвца Фелицы.

Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ;
На лицахъ Россовъ радость блещетъ....

Александръ объявилъ манифестомъ, что будетъ править Богомъ врученный ему народъ по законамъ и сердцу премудрой бабки своей. Державинъ вызываетъ образъ Екатерины и видитъ въ Александрѣ ея духъ и умъ. Искренность восторга въ этихъ стихотвореніяхъ не подлежитъ сомнѣнію. Вотъ что говоритъ живое воспоминаніе Вигеля: „Послѣ четырехъ лѣтъ воскресаетъ Екатерина отъ гроба въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена...... Не знаю какъ описать что происходило тогда: всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды у всѣхъ сдѣлались благосклоннѣе, дыханіе свободнѣе.... Всѣ пишутъ въ похвалу его стихи и прозу, грамотные и безграмотные кто какъ умѣетъ; пишутъ то, что прежде чувствовали и что нынѣ чувствуютъ. Ода г. Державина не была еще напечатана, но съ нея у многихъ были списки и читались съ жадностью."

Подобно одамъ и хоры Державина на коронацію отличаются не поддѣльнымъ восторгомъ. Долго во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ одинъ изъ этихъ хоровъ „Александръ Елисавета, восхищаете вы насъ" замѣнялъ прежвій гимнъ: „Громъ побѣды раздавайся...... славься симъ, Екатерина, славься нѣжная къ намъ мать...... пока не заступилъ его мѣсто, уже послѣ 1812 г: „о Александръ, живи, царствуй, царь любви" на голосъ англійскаго національнаго гимна: „God save the king."

Въ томъ же 1801 году встрѣчаемъ еще два стихотворенія Державина: первое—„Появленіе Аполлона и Дафны на Невскомъ берегу“ написанное на прогулку по набережной Александра и Елисаветы, возвратившихся въ Петербургъ, послѣ коронаціи, и—второе подъ названіемъ „Голубка,“ написанное по поводу намѣренія Императора освободить крестьянъ. Мысль Державина та, что крестьянамъ гораздо лучше подъ властью помѣщиковъ, чѣмъ на волѣ. Это первый намекъ на разладъ, происшедшій между Александромъ и старшимъ поколѣніемъ. Однакоже, стоявшій на высотѣ сановника Державинъ хотѣлъ попасть въ тонъ идей и стремленій юнаго Императора. Онъ вспомнилъ какую дорогу указывала своему преемнику Фелица, и, вдохновившись прежнимъ вдохновеніемъ, написалъ „Посланіе отъ брамина къ царевичу Хлору, Фелицыну внуку....“

Такъ шепчутъ: будто саму власть,
Въ твоихъ рукахъ самодержавну,
Ты чтишь какъ власть самоуправну;
Что будто мудрая та блажь
Нерѣдко въ умъ тебѣ приходитъ,
Что царь законовъ только стражъ....

И нѣсколько далѣе:

Еще толкуютъ тожъ, что гласъ
Къ тебѣ народа тайно входитъ....

Поэтъ здѣсь говоритъ о томъ, какъ Александръ читалъ самъ всё, что было адресовано на его имя: не только прошенія, но мнѣнія и проекты частныхъ лицъ. Потомъ онъ говоритъ о свободѣ печати и о простотѣ быта двора царскаго

.... На себѣ кафтанъ
Народу подлежащимъ мыслишь;

Убранство, роскошь презираешь,

Въ чертогахъ низменныхъ живешь.

Любопытны объясненія самого Державина къ этому стихотворенію.

„Государь — поясняетъ онъ — будучи въ министерскомъ комитетѣ, въ которомъ и авторъ присутствовалъ, сказалъ при случаѣ требованія денегъ на нѣкоторые не столь нужные расходы, что онъ долженъ отчетомъ въ томъ народу, ибо деньги не его, а принадлежатъ государству. Государь не любилъ великолѣпія и роскоши: жилъ лѣтомъ большею частію на Каменномъ островѣ, въ небольшомъ домѣ.“

Въ 1804 году Державинъ, воспѣвая манёвры, произведенныя Александромъ, проводитъ мысль, что Россіи уже не нужно завоеваній, что она должна быть посредницей европейскихъ народовъ и водворять вездѣ миръ.

Въ длинномъ стихотвореніи: „Монументъ милосердію“ (1805 г.) Державинъ восхваляетъ Александра за уничтоженіе секретныхъ дѣлъ, за повелѣніе даже дѣла по оскорбленію Величества производить обыкновеннымъ уголовнымъ порядкомъ. Въ концѣ этого стихотворенія слышится предчувствіе войны съ Наполеономъ, мысль о которой прорывалась въ лирикѣ и драмѣ того года. Державинъ не желалъ войны и когда началась она, считалъ ёе безполезною и при неудачахъ обвинялъ тѣхъ, кто втянулъ Россію въ войну.—Однакоже и мирное время не благопріятствовало вдохновенію пѣвца „Взятія Измаила,“ который не могъ пѣть, какъ прежде, и чувствовалъ, что вдохновеніе погасло въ его груди:

Звукъ торжественныя лиры

Посвятишь кому твоей?

Посвятишь ли въ честь ты Хлору,

Иль Добрадѣ *) въ славу ты?
Трубъ у нихъ не слышно хору;
Дни ихъ тихи, какъ листы.
Тотъ сидитъ всегда за дѣломъ,
Та покоитъ вдовъ, сиротъ;
Въ покрывалѣ скромномъ, бѣломъ
Такъ зима готовитъ плодъ.
Не видать ея работы,
Не слыхать ея машинъ,
Но по скукѣ зрятся льготы,
И земля цвѣтетъ, какъ кринъ.

Не съ радостными вѣстями возвратился Государь въ Петербургъ, послѣ Аустерлица, въ ноябрѣ 1805 года, и старый поэтъ тутъ то и привѣтствовалъ Монарха отъ имени С.-Петербургскаго общества теплыми строфами любви и преданности, ожидая отъ Александра не побѣдъ, а умиротворенія Европы. Въ 1806 г. Державинъ, припоминая Непрядву и Полтаву, предрекаетъ побѣду и восторженно напутствуетъ сперва Каменскаго, отправляющагося въ армію, а потомъ и гвардію, выступающую въ походъ.

За гвардіею, весною 1807 года, и Александръ поѣхалъ на театръ войны, и Державинъ вновь молится не о побѣдѣ, но о мирѣ. Отдыхая сельскою жизнью на Званкѣ, поэтъ живописуетъ другу своему Евгенію Болховитинову, Новогородскому викарному архіерею, въ послѣдствіи митрополиту Кіевскому, свой бытъ и свои деревенскія наслажденія. Нѣсколько куплетовъ посвящаетъ онъ здѣсь раздумью о войнѣ,

*) Императрица Марія Ѳедоровна.

которая, по его мнѣнію, какъ-то не идетъ къ Александру:

Видъ лѣта краснаго намъ—Александровъ вѣкъ;
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны;
Блаженствовалъ подъ нимъ въ спокойствѣ человѣкъ....
Но мещетъ днесь и онъ перуны!
Умолкнуть-ли они?

Геройство Платова и подвиги козаковъ однако-же вдохновили Анакреона села Званки написать живое, въ духѣ народной поэзіи, военное стихотвореніе.

„Ода на Тильзитскій миръ“ не была политична: Державинъ называетъ въ ней новаго союзника Россіи, Наполеона, кичливымъ, строптивымъ и ненасытнымъ. Государь не пожелалъ, чтобы эта ода была напечатана. Однако же Державинъ въ ней ближе стоялъ къ тогдашнему настроенію русскаго общества, чѣмъ обыкновенно. Русское общество не заключило мира.

Простота новаго времени, проникнутаго гражданскимъ духомъ и отмѣченнаго произведеніями такъ называемой „буржуазной“ литературы, отразилось на стихотвореніи Державина на смерть дочери Императора, Елисаветы Александровны. Не богиня, не ангелъ отлетѣлъ изъ храма солнца, а просто, буржуазно оплакивается смерть ребенка:

Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ, Лизы, Лизы нѣтъ!

Въ 1810 году проснулся патріотизмъ Державина, и поэтъ въ цѣломъ рядѣ одъ воскрежеталъ на возвысившагося надъ царями Наполеона. Его стихотворенія 1812, 13 и 14 годовъ по формѣ и содержанію становятся анахронизмомъ въ эпоху „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ.“ Стихотворенія Державина тѣхъ годовъ не имѣли уже живаго обращенія въ об-

ществѣ, за исключеніемъ одной кантаты, неподражаемо исполнявшейся знаменитою пѣвицею Каталани:

Ты возвратился, благодатный,
Нашъ кроткій ангелъ, лучъ сердецъ!
Ты возвратился, царь нашъ милый,
И счастье наше возвратилъ!

Таковы были отголоски пѣвца Екатерины о царственномъ ея внукѣ.

Но въ запискахъ Державина есть мѣста, весьма характеристичныя для объясненія встрѣчи Екатерининскаго служаки и сенатора на дѣлѣ съ новымъ временемъ.

Стоявшій при Александрѣ во главѣ юстиціи, поклонникъ закона и боецъ за его строгое выполненіе, Державинъ не былъ приглашенъ къ составленію указа о министерствахъ. Вотъ его слова объ этомъ:

„Указъ сочиняли гр. Воронцовъ и г. Новосильцовъ или, лучше сказать, тогда составляющіе дружескій, или партикулярный совѣтъ Государя; съ помянутыми двумя кн. Черторижскій и г. Кочубей—люди ни государства, ни дѣлъ гражданскихъ не знающіе.“

Когда открылись министерства, Державинъ не понималъ того свободнаго хода, который былъ предоставленъ ихъ развитію: онъ стоялъ за команду и требовалъ отъ Государя весьма настойчиво инструкцій. Державинъ разсказываетъ тотъ случай, когда, подъ вліяніемъ духа времени, засѣданія Сената потеряли чиновно-торжественный характеръ: начались споры: всякій хотѣлъ сказать свое мнѣніе, пока наконецъ Державинъ не ударилъ молоткомъ по столу и не призвалъ къ порядку чиновъ засѣданія. Многіе поблѣднѣли, всѣ сѣли на свои мѣста: старый порядокъ въ эту минуту воскресъ, какъ будто къ

Сенатѣ послышался стукъ дубинки Петра Великаго. Такъ по крайней мѣрѣ разсказываетъ самъ Державинъ. — Холодность государя къ нему стала замѣтною послѣ дѣла о жидахъ. Дѣло шло объ оставленіи винной продажи въ рукахъ жидовъ. Евреи подкупали Державина и одинъ агентъ привозилъ ему на домъ 200,000 рублей. Обнаруживая подкупъ и мошенничество, Державинъ тутъ главнымъ образомъ накидывается на „выскочку" Сперанскаго. — Такимъ образомъ Державинъ еще до окончательнаго возвышенія Сперанскаго является пристрастнымъ врагомъ его и представителемъ той партіи которая, начинала рыть яму подъ ногами реформатора государственнаго строя.

Открыто подозрѣвая Сперанскаго въ подкупности, по дѣлу о евреяхъ, за которыми оставили исключительное право торговать виномъ, Державинъ скорбѣлъ о разореніи народа. „Іуда продалъ Христа за 30 серебренниковъ, а вы за сколько Россію? сорвалось однажды съ устъ раздраженнаго новшествами пѣвца Фелицы, видѣвшаго вредъ нанесенный собственно русскимъ интересамъ рѣшеніями вопросовъ въ духѣ безпристрастія. Старикъ нападалъ на произволъ молодыхъ министровъ.

Слѣдующее мѣсто въ „Запискахъ" Державина знакомитъ еще ближе съ основными убѣжденіями его, въ укоръ молодому царю. „Румянцовъ выдумалъ, смѣю сказать изъ подлой трусости, средства, какими сдѣлать свободными господскихъ крестьянъ, какъ это любимая была мысль Государя, внушенная при воспитаніи его нѣкоторымъ учителемъ Лагарпомъ, то Румянцовъ, чтобы подольститься Государю, стакнувшись напередъ, смѣю сказать, съ Якобинскою шайкою Чарторижскаго, Новосильцова, подалъ проектъ, чтобы дать крестьянамъ свободу отъ господъ своихъ откупаться." — Закры-

вая глаза на бѣдствія крѣпостнаго права, Державинъ былъ только съ одной стороны правъ: онъ предвидѣлъ бѣдствія народа русскаго, оторваннаго отъ земли. Освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ землею не приходило на мысль молодымъ реформаторамъ того времени.

Одно послѣднее дѣло, вскорѣ послѣ рѣшенія котораго Державинъ долженъ былъ выдти въ отставку изъ министровъ, косалось здѣшняго края и вопроса, недавно бывшаго предметомъ бесѣдъ въ состоящемъ при Университетѣ юридическомъ Обществѣ, а равно и статей въ мѣстной газетѣ. Чиншевое сословіе здѣшнаго края тогда, какъ и теперь, столкнулось съ новыми владѣтелями мѣстечекъ и деревень. Русскіе помѣщики стали налагать на чиншевиковъ больший противу прежняго оброкъ. Тѣ сослались на привилегіи свои и подали жалобу Государю. Дѣло рѣшить было трудно: съ одной стороны мѣстечки были пожалованы русскимъ подданнымъ со всею землею, съ другой—чиншевой шляхтѣ были оставлены прежнія права. Державинъ зналъ, что покойная Императрица имѣла намѣреніе выселить ту шляхту на порожнія земли въ полуденныхъ губерніяхъ. Въ такомъ смыслѣ онъ и составилъ проектъ, проектъ суровый, передъ выполненіемъ котораго, быть можетъ, и не остановилась бы мощная рука Екатерины. Но „члены партикулярнаго совѣта государева“ вознегодовали. Черторыйскій бросилъ проектъ Державина въ каминъ—насилу выхватилъ его изъ камина производитель дѣлъ.

Вышедшему въ отставку Державину осталась еще возможность высказать свое негодованіе на „партикулярный совѣтъ“ Александра въ литературной формѣ, и онъ написалъ нѣсколько басенъ, гдѣ соболѣзнуетъ о молодомъ царѣ. Такова между прочимъ и басня: Жмурки.

Хозяинъ молодой разыгрался въ жмурки и долго не хотѣлъ снять съ глазъ повязки, увлекаясь игрой. Игравшіе съ нимъ ребята сперва шутили осторожно, мяукая или крича пѣтухомъ въ углахъ. Потомъ стали смѣлѣе, заставили его стукнуться о печь, о дверь, разбить себѣ носъ и наконецъ такъ утомили его, что онъ кружась, запнулся—

Упалъ и растянулся;
И тѣмъ во всемъ дому
Такую поднялъ кутерьму,
Что описать её не можно никому.

Черезъ десять лѣтъ послѣ написанія этой басни, въ 1815 г., страхъ „произвесть кутерьму“ сталъ лозунгомъ эпохи Метерниховской, на языкѣ Европы, Аракчевской примѣнительно къ Россіи. Такимъ образомъ устарѣлый писатель однимъ слабымъ произведеніемъ выразилъ цѣлую сторону жизни общества, хранившаго въ себѣ тѣ враждебныя нововведеніямъ элементы, которые взяли верхъ надъ „партикулярнымъ совѣтомъ“ и заклеймили позднѣе Сперанскаго именемъ измѣнника, какъ прежде Державинъ говорилъ о немъ въ одной баснѣ, какъ о паукѣ, погубившемъ прекрасный цвѣтъ:

Сей басни смыслъ понять—ходить не надо въ школы:
Подъ сѣтью пауковъ валятся и престолы.

Отъ поэта, унаслѣдованнаго Александромъ, перейдемъ къ тому писателю, чье имя въ это царствованіе пріобрѣтаетъ то значеніе, какое Ломоносовъ и Державинъ имѣли по отношенію къ эпохамъ Елисаветы и Екатерины II.

Уже пользовавшійся большею извѣстностью авторъ „Бѣдной Лизы и „Писемъ русскаго путешественника,“ умилявшійся надъ добродѣтелью, ждавшій всего лучшаго отъ просвѣщенія и свободы, Карамзинъ еще прежде, чѣмъ это сдѣлалъ

Державинъ, новымъ, мягкимъ, простымъ стихомъ въ двухъ одахъ привѣтствовалъ восшествіе на престолъ и коронацію Александра. Въ нихъ онъ преподаетъ юному царю совѣты въ духѣ Лагарпа и русскихъ наставниковъ Александра. Не лести жаждалъ Александръ, и ему болѣе всего по сердцу пришлись оды москвича писателя. Въ слѣдъ за одами, вторя словамъ манифеста, Карамзинъ пишетъ „Историческое похвальное слово Екатеринѣ.“ Указывая на просвѣщеніе и гуманныя начала Екатерины, Карамзинъ выясняетъ здѣсь передъ юнымъ монархомъ всё то, въ чемъ должно слѣдовать примѣру великой Государыни. Слово, гдѣ на видъ выставленъ гуманный духъ „Наказа“ заключается слѣдующими словами: „Екатерина служила вамъ, монархи, примѣромъ: такъ царствуйте, чтобы смертные обожали васъ и, видя съ какимъ умиленіемъ, съ какою трогательною любовью до нынѣ говорятъ Россіяне о Великой, будьте увѣрены, что народы чувствительны и благодарны противъ царей добродѣтельныхъ и что память ваша, если вы заслужили любовь подданныхъ, пребудетъ священною.“

Духу этого „Слова“ примѣнительно къ Александру соотвѣтствуетъ басня Дмитріева: Три льва. Три брата льва подлежатъ избранію въ цари звѣрей; старшій обѣщаетъ побѣды, средній желаетъ обогатить народъ—

.... а я бъ его любилъ—

Сказалъ меньшой съ невиннымъ взоромъ;

И тутъ же нареченъ владыкой всѣмъ соборомъ.

Законодатель новаго литературнаго направленія, близкій Карамзину по школѣ и дружбѣ. Дмитріевъ, стоялъ къ Императору, и какъ сановникъ, и какъ человѣкъ, весьма близко. Черты искреннихъ отношеній Дмитріева къ Государю

были недавно, по поводу юбилея, вспомянуты въ газетныхъ статьяхъ и нѣкоторыхъ брошюрахъ: онѣ обрисовываютъ гуманность и простоту того, кто настолько выработалъ въ себѣ человѣка, что даже страдалъ глубоко сознаннымъ имъ самимъ подвигомъ—царя.—Одна басня Дмитріева весьма отчетливо обрисовываетъ расположеніе духа молодаго государя.

Какой то государь, прогуливаясь въ полѣ,
Раздумался о царской долѣ:
Нѣтъ хуже нашего—онъ мыслилъ—ремесла!
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое.
Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля: чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ;
А принужденъ вести войну.........
Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ боги,
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги.
Хочу знать правду, всѣ мнѣ лгутъ;
Бояре лишь чины берутъ;
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь—никакъ не успѣваю *).

Какъ эти строки соотвѣтствуютъ настроенію Александра, слишкомъ рано дошедшаго до разочарованнаго взгляда на возможность осчастливить народъ свой, такъ и нѣкоторыя строфы Карамзина даютъ ключъ къ объясненію той недовѣрчивости, съ которою Государь относился къ людямъ, иногда не различая преданныхъ и благонамѣренныхъ отъ льстецовъ:

Есть родъ людей, царю опасный—
Ихъ рѣчи какъ индійскій медъ,

*) Басня: царь и два пастуха.

Улыбки милы и прекрасны;
По виду—ихъ добрѣе нѣтъ;
Они всегда хвалить готовы;
Всегда хвалы ихъ тонки, новы:
Ихъ имя—хитрые льстецы;
Снаружи ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовиты, злобны,
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.
Они отечества не знаютъ;
Они не любятъ и царей,
Но быть любимцами желаютъ;
Корысть ихъ Богъ: лишь служатъ ей.
Имъ доступъ къ трону заградится,
Твой слухъ во вѣкъ не обольстится
Коварной, ложной ихъ хвалой!

Такіе стихи Карамзина были по сердцу впечатлительному Александру; онъ внималъ имъ, какъ новымъ совѣтамъ Лагарпа. Они не столько поучали царя, сколько формулировали его собственныя мысли.

По духу, по настроенію Александръ ближе подходилъ къ писателямъ идеалистамъ, чѣмъ къ дѣятелямъ.

Жизнь своею неподатливостью отталкивала его отъ дѣйствительности, и онъ по немногу переставалъ смотрѣть этой послѣдней въ глаза. Говорятъ: онъ не зналъ Россіи. Да, онъ не могъ согласить своихъ возвышенныхъ, идеальныхъ требованій съ грубою поверхностью родной почвы. Онъ искалъ истинныхъ, вѣрныхъ патріотовъ вездѣ, по всюду: открылъ къ себѣ доступъ всякому, кто хотѣлъ дать ему благой совѣтъ, указать зло, но рефлексія возбуждала въ немъ недовѣріе и къ лучшимъ, преданнѣйшимъ друзьямъ.

Оды Карамзина были лебединою пѣснью московскаго литератора. Свою оду на коронованіе онъ заключилъ такими словами:

Я въ храмъ исторіи иду,
И тамъ—дѣла твои найду.

Карамзинъ въ храмѣ исторіи! другими словами: въ трудахъ науки,—отряхающій пыль съ нетронутыхъ харатейныхъ списковъ, археографъ и изслѣдователь, и въ тоже время вдохновленный авторъ—это неистощимый и всегда живой предметъ бесѣды передъ просвѣщенными слушателями. Но для цѣли нашей рѣчи мы ограничимся только воспоминаніемъ объ отношеніяхъ писателя—историка къ своему государю, весьма характеристичныхъ для эпохи Александра I.—Карамзинъ еще въ Москвѣ сошелся съ великой княгинею Екатериною Павловною. Это была женщина гуманная, просвѣщенная, заслужившая по смерти своей, во второмъ замужествѣ за королемъ Виртембергскимъ, похвальное стихотвореніе Уланда за тѣ человѣческія достоинства, которыя примирили крайне либеральнаго поэта съ „человѣкомъ въ порфирѣ.“

Въ Твери великая княгиня сблизила Карамзина съ державнымъ братомъ своимъ. Въ Твери читалъ Карамзинъ Государю первыя главы своей исторіи и тамъ великая княгиня вручила Императору записку Карамзина „о древней и новой Россіи.“ Въ этой запискѣ Государь нашелъ рѣзкую критику всего того, что было совершено въ первое десятилѣтіе царствованія. Нельстивый голосъ подданнаго нанесъ первые удары благонамѣренному, но черезъ чуръ быстрому стремленію впередъ. Первое время Государь былъ недоволенъ; потомъ недовольство перешло въ постоянное благоволеніе къ Карамзину.

Въ 1816 году Карамзинъ переселился въ Петербургъ, и,

скучая по Москвѣ, сталъ жить скромною, уединенною семейной жизнью. Но въ этомъ уединеніи Царскаго Села одно семейство оберегало и любило семейство Карамзина: то было семейство Александра I. По просту, на прогулкѣ, за чашкой чая проводилъ Государь часы отдыха въ бесѣдахъ съ Карамзинымъ. „Подданный не искалъ у Государя никакихъ для себя благъ, и Государь цѣнилъ эту независимую къ себѣ любовь подданнаго.“ Писатель не разъ отказывался отъ поста министра народнаго просвѣщенія и оставался частнымъ лицомъ, семейнымъ другомъ своего государя.

„Я любилъ Его искренно и нѣжно „пишетъ Карамзинъ для сыновей своихъ“ любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ Нимъ на свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели.“ Карамзинъ употреблялъ свое вліяніе только на добрыя дѣла, заботясь о судьбѣ писателей, объ обезпеченіи семействъ небогатыхъ друзей.

О важныхъ государственныхъ вопросахъ собесѣдники Царскаго Села также говорили. Терпѣливо, кротко выслушивалъ Александръ мнѣнія, противуположныя своимъ. — „Мнѣніе русскаго гражданина,“ въ которомъ Карамзинъ объяснялъ, что возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, раздѣлило друзей. Идеалистъ-Александръ не хотѣлъ разстаться съ задуманнымъ въ духѣ свободы планомъ своимъ. Тутъ Карамзинъ стоялъ на почвѣ знанія и фактовъ. Ученая работа отрезвляетъ отъ идеализаціи. Карамзинъ давно уже установился, остановился, оглянулся назадъ. Въ Александрѣ были еще живы прежнія упованія.

Надломленный событіями отъ 1812—до 15 года, Импе-

ператоръ самъ наконецъ способенъ былъ остановиться и не только оглянуться на прошлое, но и пойдти назадъ. Но не добродѣтельный Карамзинъ направилъ его въ другую сторону, а Метернихъ, освѣщавшій всѣ средства для священной цѣли мира, котораго жаждала уставшая отъ войнъ Европа. Не писатель историкъ началъ руководить дѣлами Имперіи, а трудолюбецъ другаго закала,—старый другъ Александра, съ которымъ онъ, будучи еще великимъ княземъ, дѣлилъ труды свои по должности 2-го С.-Петербургскаго генералъ губернатора. Другъ по казармѣ шелъ къ цѣли ровнымъ, твердымъ шагомъ. Онъ умѣлъ вырыть яму подъ ногами друзей Царя, и въ эпоху утомленія и разочарованнаго отношенія Императора къ отечеству съумѣлъ сдѣлаться двигателемъ государственной машины. Когда Аракчеевъ былъ всесильнымъ, идеалистъ—монархъ черпалъ идеалы въ области духовнаго міра.

Религіозная окраска Метернихова плана именемъ „Священнаго союза,“ равнодушіе къ грекамъ, возставшимъ за свободу, и факты внутренней русской жизни, и давленіе русской политики на Европу, и скорбь Государя о дурныхъ порядкахъ, и мечты его о свободѣ хотя бы одной Польши, и недовѣрчивый страхъ къ всякому новому проявленію живой мысли, и сильное желаніе *выйдти въ отставку*, какъ выражался Государь, говоря съ Волхонскимъ, и молитвы его съ квакерами, и горячая исповѣдь передъ схимниками—всё говоритъ за то, что онъ былъ идеалистъ до конца жизни и до конца жизни не нашелъ подъ ногами почвы и менѣе всего родной русской почвы.

Литература наша, съ перваго десятилѣтія царствованія Александра, развилась внутреннимъ содержаніемъ и существенно измѣнилась и въ формѣ. Карамзинъ имѣлъ право ска-

зать въ одѣ на коронацію, что „музы сняли съ себя трауръ.“

Въ литературѣ сложились болѣе опредѣленные, чѣмъ прежде кружки и начало яснѣе выражаться общественное направленіе. Желаніе дѣйствовать совмѣстно, собрать однородныя силы было уже извѣстнымъ успѣхомъ. „Бесѣда“ Державина собрала литературныхъ старовѣровъ; въ „Арзамасѣ“ собрались представители новаго литературнаго вкуса, романтики, поклонники Карамзина. Наконецъ умѣренный, изящный и ученый кружокъ Оленина и кружокъ писателей молодаго, либеральнаго закала, примыкавшій къ благотворительному Обществу соревнователей просвѣщенія *).

Множество сочиненій оригинальныхъ и переводныхъ образовали многочисленную публику читателей. Лирика и театръ стали выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Послѣ Тильзитскаго міра общественное мнѣніе не боялось раздражить Государя своимъ, противуположнымъ его воззрѣнію, требованіемъ. „Враждебное чувство къ французамъ не заключало мира, и литература первая на Руси начала перестрѣливаться съ непріятелемъ. Французскій посолъ Коленкуръ жаловался нашему правительству на непріязненный духъ Русскаго Вѣстника“ (слова кн. Вяземскаго).

Въ 1812 году общая бѣда отечества слила идеалиста Александра съ его народомъ. Новая роль выпала на долю друга человѣчества. Царь мира ведетъ народъ на встрѣчу врагу. Но будемъ лучше говорить словами писателя современника, Глинки:

„Въ 9 часовъ утра явился на Красномъ крыльцѣ Але-

---

*) Общественное движеніе при Александрѣ I. А. Н. Пыпина С.-Петербургъ 1876 г. стр. 418.

ксандръ Первый; явился, какъ Ангелъ Божій, подъ осѣненіемъ щита небеснаго. На довѣренность царя громко откликнулась довѣренность народа. Со звономъ колокольнымъ сливались сотни тысячъ голосовъ: ура, да здравствуетъ царь Государь! Веди насъ, куда хочешь. Веди насъ, нашъ отецъ! Умремъ или побѣдимъ! Такъ восклицало душевное ополченіе народа, и Александръ Первый въ сердцѣ народа русскаго, въ стѣнахъ Москвы, Іюля двѣнадцатаго, убѣдился, что Россія устоитъ въ Россіи......" „Въ день Іюля двѣнадцатаго Александръ украшался не утварью царскою, а любовью народною........... „На ступеняхъ крыльца Государь часъ отъ часу стѣснялся быстрымъ приливомъ народа. Чиновники подвигались раздвигать ряды. Государь, кланяясь во всѣ стороны, говорилъ: „не троньте! Не троньте ихъ! Я пройду." И онъ прошелъ сквозь ряды сердецъ, пылавшихъ усердіемъ. До паперти, до вратъ собора Успенскаго гремѣли отклики: Отецъ нашъ! ангелъ нашъ! Да хранитъ тебя Господь Богъ!"

Такъ писалъ Глинка, трибунъ народный, за которымъ массы двинулись на Поклонную гору, требуя оружія, чтобы идти противъ врага. Этому то писателю патріоту отпущено было безотчетно на народныя нужды 100,000 р., и онъ возвратилъ ихъ въ цѣлости, не рѣшившись по своему усмотрѣнію израсходовать эти деньги.

Новое поколѣніе писателей Александрова времени въ дѣтствѣ пережило великіе дни. Въ стѣнахъ училищъ дѣти завидовали тому,

Кто умирать шелъ мимо насъ.

—

И племена сразились;
Русь обняла кичливаго врага,

И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

—

Вы помните-ль, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался?
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы.

—

Такъ Пушкину, въ лучшій періодъ его дѣятельности, отзывались блестящія, живыя воспоминанія отроческихъ лѣтъ.

Новое поколѣніе писателей унаслѣдовало отъ старшихъ братьевъ то, что было мечтою самого Александра въ юности. Узнавъ про существованіе „Союза благоденствія.“ остановившійся Александръ сказалъ Васильчикову: они тоже, что были мы въ юности.

Но юность не терпѣлива и требовательна.... И не могла она оставаться спокойною, когда померкли надежды свободы; когда Россія, врываясь въ святилище германской семьи, заклеймила офиціозною брошюрою Стурдзы въ сущности невинное и скорѣе поэтическое, чѣмъ политическое движеніе въ средѣ профессоровъ и студентовъ, какъ опасную крамолу, и тѣмъ вызвало убійство нашего агента Коцебу—когда съ своей стороны Австрія, давя Италію и страшась карбонаріевъ, возводила въ народный бунтъ частный случай безпорядка въ Семеновскомъ полку.

Духъ реформъ и ожиданіе ихъ жило въ обществѣ. Разсказывая о клобныхъ крикунахъ, какой нибудь взяточникъ—предсѣдатель въ интимной бесѣдѣ твердилъ:

Я вамъ скажу: знать время не приспѣло.....

Но что безъ нихъ не обойдется *дѣло*.

И вывѣтрившій въ себѣ всѣ задатки возвышеннаго и прекраснаго кутила Репетиловъ еще твердилъ съ просонья:

Но *государственное дѣло*......

Оно, вотъ видишь, не созрѣло—

Нельзя же вдругъ......

И тѣ же люди, тотъ же Фамусовъ клеймитъ Чацкаго за первое правственное слово противъ подлости гнусною австрійскою бранью—

Чацкій....... да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въуздѣ,

Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи.

Фамусовъ: Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!

Духъ австрійской полиціи слился съ духомъ вражды къ просвѣщенію. Кто въ басняхъ видитъ заразу, кто въ училищахъ съ ланкастерскою методою, кто въ химіи видитъ расколъ и безвѣріе, а болѣе отсталые, подъ вліяніемъ екатерининскаго гоненія на массоновъ, не понимаютъ зла помимо „франмасонства и вольтеріанства.“ А Скалозубы утѣшаютъ всѣхъ:

Я васъ обрадую: всеобщая молва,

Что есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій—

Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два!

А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

И утѣшеніе это, или угроза, не были одни слова. И вотъ, въ эту-то пору, когда „Горе отъ ума“ было произведеніемъ запрещенной, *подпольной* литературы, задыхавшаяся молодежь собиралась во имя добра и правды, не замѣчая своей оторванности отъ почвы.

Заточенный въ деревнѣ Пушкинъ, въ день лицея, подымая чашу, восклицаетъ:

Но за кого? О други, угадайте.
Ура, нашъ царь! Такъ выпьемъ за царя!

—

Онъ человѣкъ—имъ властвуетъ мгновенье,
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей.
Но такъ и быть, простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ лицей!

Взялъ Парижъ и создалъ лицей! вотъ богатая тема для славы Александра. Съ основаніемъ лицея соединены воспоминанія объ Александрѣ—преобразователѣ и основателѣ многихъ высшихъ училищъ.

Въ недавній юбилей въ Москвѣ профессоръ Университета Тихонравовъ привелъ въ восторгъ слушателей духомъ Александровскаго университетскаго устава и гуманнымъ воззрѣніемъ на самостоятельность высшихъ всеучилищъ попечителя Московскаго Университета М. Н. Муравьева, одного изъ наставниковъ Александра Павловича. Въ тоже время, въ Петербургѣ, вдохновительно говорилъ о просвѣтителѣ—Александрѣ профессоръ Университета Соколовъ и тамъ же, въ Академіи Наукъ, академикъ Сухомлиновъ, въ своей юбилейной рѣчи, представилъ слушателямъ блистательную картину просвѣщенія въ златые дни Александра.

А взятіе Парижа и роль Александра, объединившаго силы Европы воспроизведены, тоже къ юбилею, въ полной жизни и ума книгѣ С. М. Соловьева. Историкъ Россіи, въ заключеніе труда своего объ Александрѣ I, не могъ не повторить названія Агамемнона, такъ художественно примѣнен-

наго къ Александру выше приведеннымъ мною стихомъ Пушкина.

Въ царствованіе Императора Николая Александръ I жилъ въ памяти общества русскаго подъ именемъ „Благословеннаго,“ слитый въ представленіи съ ангеломъ, поставленнымъ на высоту колонны его имени — въ духѣ воззрѣній Жуковскаго, приносившаго въ стихахъ и прозѣ дань благодарности Александру за величіе, за кротость, „за вѣру въ страшный часъ къ народу своему.“

О кроткой, ангельской улыбкѣ покойнаго Государя, о кончинѣ Александра (нашъ ангелъ на небесахъ!) намъ въ дѣтствѣ съ умиленіемъ повѣствовали родители. Художнику грезился величавый образъ Агамемнона, или благодушный ликъ мягкаго, набожнаго царя. Во время наводненія въ Петербургѣ—

.... Покойный царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
И молвилъ: „съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать.“ Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.

Либеральный кружокъ Москвы, оставившій своимъ послѣдователямъ имя „западниковъ“ отдыхалъ на воспоминаніяхъ объ Александрѣ и съ особымъ сочувствіемъ относился къ его мечтѣ—сложить власть и поселиться въ виноградникахъ южной Германіи.

Негодовали и негодуютъ т. н. славянофилы на нерусскость Александра, негодуютъ за Польшу и Галицію и за Восточный, отвергнутый Александромъ, вопросъ.

Судъ надъ Александромъ сталъ общественнымъ, широко

распространившимся вопросомъ, въ нынѣшнее благополучное царствованіе Александра II-го.

Такъ помню, въ 1873 г., въ день открытія въ Петербургѣ памятника Екатеринѣ Великой, на мою долю выпала честь здѣсь, въ этомъ самомъ залѣ, говорить о ея просвѣтительной дѣятельности. Вспоминая похвальное ей слово, написанное Карамзинымъ, я между прочимъ прибавилъ: „Внукъ не вполнѣ царствовалъ по сердцу бабки. Между нимъ и ею можно бы было провести параллель противуположностей: она была тверда, онъ всегда колебался. Она избирала по достоинству людей, терпѣла не любимыхъ и не отнимала скоро своего довѣрія; онъ увлекался людьми и, мѣняя свое расположеніе, лишалъ своего довѣрія лучшихъ друзей. Она вмѣняла себѣ въ славу жить для пользы русскаго народа, онъ тяготился властію............“

Эти слова были невольнымъ отголоскомъ обнародованныхъ матеріаловъ, замѣтокъ, разсужденій объ Александрѣ I. Благословенный Императоръ предсталъ передъ нами въ тѣ годы съ чертами новыми, не согласными съ живымъ преданіемъ и установившимся представленіемъ. Мы праздновали юбилей Сперанскаго. Его невинность, ссылка возбуждали въ насъ горячее сочувствіе къ этому дѣятелю. Нѣсколько ранѣе того Карамзинскій юбилей рѣчами и трудами прославителей историка вызвалъ въ насъ думы объ Александрѣ не народномъ человѣкѣ, объ Александрѣ космополитѣ, введшемъ Россію на долгіе годы въ политическія ошибки. Забыты были нами его свѣтлыя стороны, и всё вниманіе сосредоточилось на увлеченіяхъ, ошибкахъ, пристрастіи.

Не праздновали мы юбилея Аракчеева; но множество обнародованныхъ матеріаловъ объ этомъ временщикѣ держало

насъ въ теченіи годовъ, на страницахъ Русскаго Архива, Русской Старины и нѣкоторыхъ другихъ журналовъ, подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ узкости и невѣжества Аракчеева, при воспоминаніяхъ о событіяхъ военныхъ поселеній.

Замѣтки, поясненія къ трудамъ и матеріалы для біографіи писателей первой четверти нынѣшняго столѣтія, то и дѣло воскрешали передъ нами всё тѣ-же годы послѣдняго періода царствованія Александра, отъ Вѣнскаго конгресса до кончины его.

Личность этого государя стояла уже передъ судомъ потомства, и читающая публика вмѣстѣ съ будущимъ историкомъ его царствованія переживала мысли и чувствованія, сопутствующія подготовительной работѣ. Провѣривъ эту работу, со временемъ историкъ придетъ къ правдивой, не односторонней оцѣнкѣ.

Но, если послѣдніе годы царствованія Александра Павловича однимъ обнародованіемъ фактовъ производили на насъ мрачныя впечатлѣнія, то и о свѣтлыхъ годахъ его правленія, когда онъ шелъ по пути улучшеній съ чистыми, безкорыстными намѣреніями, съ любовью къ народу и странѣ до самозабвенія, когда никакія внѣшнія обстоятельства не нарушали гармоніи его дѣлъ и помышленій, слышали мы строгій приговоръ. Годы вліянія Чарторыйскаго и Строганова были признаны за годы вредныхъ для государства увлеченій. Не вникая въ подробности, произносили слово осужденія юному царю за незнаніе Россіи, за непониманіе ея задачъ. Императоръ Николай цѣльностью своей природы, твердостью, русскимъ направленіемъ представлялся противуположнымъ Александру народнымъ русскимъ царемъ;

Не презиралъ страны родной,
Онъ зналъ ея предназначенье.

Эти строки можно было поставить эпиграфомъ къ итогу всего того, что между строкъ говорилось о Николаѣ, какъ бы въ противуположность Александру. Иной горячій поклонникъ Императора Николая указываетъ гостю съ особымъ подчеркиваніемъ мысли, что среди изображеній русскихъ, ему сочувственныхъ дѣятелей, гдѣ первыя мѣста занимаютъ Петръ Великій и Николай I, у него въ кабинетѣ нѣтъ портрета Александра Благословеннаго, какъ царя не русскаго по направленію. Люди такого воззрѣнія ставятъ Александру въ вину всѣ несочувственныя имъ явленія позднѣйшей эпохи и повторяютъ съ убѣжденіемъ изреченіе Наполеона: „le grec du Bas-Empire.“ Общее обоимъ вѣнценоснымъ братьямъ ускользаетъ отъ предъубѣжденныхъ судій. Взглядъ на обоихъ императоровъ еще раздѣляетъ мыслителей на два лагеря.

Но до сихъ поръ мы говорили объ одномъ взглядѣ. Представителемъ другаго является г. Пыпинъ въ сочиненіи: *Общественное движеніе при Александрѣ I-мъ.* Объясняя несовершенства Александра нѣкоторыми, однакоже существенными, недостатками его воспитанія, ученый отдаетъ ему полную справедливость, какъ человѣку и царю.

Вопросъ народности—вопросъ обоюдуострый. Только народность даетъ силу и прочную свободу государству; но катехизисомъ народности можно на оборотъ дѣйствовать въ пользу застоя и движенія назадъ.

Г. Пыпину принадлежитъ заслуга возстановленія эпохи умственнаго движенія,—свободнаго, неудержимаго, давшаго русскому обществу тѣ стремленія, которыя осуществились въ

годы: освобожденія крестьянъ, отмѣны тѣлесныхъ наказаній, устройства гласнаго суда.

Возвратившіеся декабристы, по словамъ г. Пыпина, стояли въ уровень съ лучшими стремленіями молодыхъ поколѣній, искренно сочувствовали новому совершавшемуся движенію и успѣли внести въ него свою нравственную долю. Тогда какъ сверстники ихъ и даже люди слѣдовавшаго за ними поколѣнія отказались отъ всякихъ идеаловъ и общественныхъ задачъ и перешли въ задерживающій прогресъ лагерь, въ которомъ находили себѣ житейское благополучіе.

Великое народное движеніе сказалось въ наше время. Подвигомъ и славою на Балканахъ вновь заслуживаемъ мы имя великаго народа. Но народность орудіе обоюдуострое. Да не задержитъ она у насъ, во имя искусственно создаваемыхъ затрудненій, того движенія впередъ, которое было завѣтною мыслью Александра Благословеннаго и къ которому постепенно ведетъ рядъ реформъ исполненныхъ, исполняемыхъ и предсказанныхъ Александромъ Освободителемъ.

Есть общечеловѣческое, несомнѣнное благо. Какъ ошиблись тѣ, которые говорили: „можетъ-ли быть добро отъ Назарета?“ И какъ ошибемся мы, не сочувствуя тому хорошему, что выработала Европа, только потому, что это выработано не у насъ, хотя на нашей почвѣ всегда находились туземныя данныя для всякого общественнаго и нравственнаго прогреса.

Заключу словами еще здравствующаго, маститаго поэта Александровой эпохи:

Да плодъ воздаетъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука:
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка *).

И. Хрущовъ.

---

*) „Слово примиренія" стихотв. Кн. П. А. Вяземскаго.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1878 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Кіевъ, въ университетской типографіи.

